

8 Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М., Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. – 295 с.

9 Хаютин, А. Д. К вопросу о терминологической фразеологии // Материалы конференции “Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е.Д. Поливанова”. Т.1. Самарканд, Самаркандский государственный университет им. Алишара Навои, 1964. Тезисы докладов и сообщений межвузовской лингвистической конференции 9-15 сентября 1964г. – Самарканд, 1964. – С. 28-29.

10 Голанова, Е.И. Номинация в сфере автолексики // Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982. – С. 159 - 228.

Е.В. Ничипорчик (Беларусь)

РУССКИЕ ПАРЕМИИ С НЕОДОБРИТЕЛЬНОЙ КОННОТАЦИЕЙ

Для носителя любого языка является привычным обращение в речи к пословицам и поговоркам для вынесения оценок объектам внешнего мира и выражения соответствующих этим оценкам эмотивно окрашенных отношений. Устойчивость такой речевой традиции объясняется, с одной стороны, “внешней” привлекательностью пословичных и поговорочных текстов, их необычайной экспрессивностью, а с другой стороны, их коллективной адресантностью. Посредством апелляции к мнению социума говорящий имеет возможность придать весомость своей оценке и наделить высказывание особой воздействующей силой. Наиболее значимым это является при выражении отрицательной оценки, что подтверждается фактом количественного превосходства паремиологических единиц, характеризующихся неодобрительной коннотацией, над паремиями с позитивной коннотацией. Такая асимметрия отнюдь не означает нерелевантности позитивных сущностей, поскольку указание на антиценность имеет в своей основе рекомендательный характер, отвращающий человека от “зла” и ориентирующий к “добрю”.

С позиций лингвистического анализа пословицы и поговорки с неодобрительной коннотацией вызывают исследовательский интерес в связи с 1) определением механизмов формирования неодобрительной коннотации; 2) описанием языковых средств, оказывающих непосредственное влияние на негативную эмоциональную заряженность паремий; 3) выявлением мотивов обращения коммуникантов к паремиям с неодобрительной коннотацией.

В качестве источника фактического материала был использован “Словарь русских пословиц”, составленный под редакцией В.М. Мокиенко [1], единственный в своём роде словарь, в котором наряду с толкованием пословичных выражений приводятся стилистические пометы, свидетельствующие об эмоционально-экспрессивной окрашенности дефинируемых единиц. Пословицы с пометой “неодобрительно” составляют в данном словаре 47 единиц, однако с учётом тех паремий, негативная оценочная функция которых отмечается в самом толковании, общее количество пословичных выражений с неодобрительной коннотацией значительно больше – 78.

Формирование неодобрительной коннотации у паремиологической единицы напрямую связано с вынесением негативных оценок. Исследователь речевой интенции неодобрения Т.К. Соловьёва отмечает присутствие в данном интенциональном значении двух семантических долей: “Ты поступаешь плохо” и “Мне это не нравится” [2, с. 16]. “Неодобрение, – пишет Т. К. Соловьёва, – возникает тогда, когда для говорящего очевидна отрицательная оценка действий и любых других проявлений адресата. Степень отрицательной оценки влечет за собой ту или иную интенцию с общим значением неодобрения” [2, с. 16].

Действительно, неодобрение в нашем сознании связывается с “неудовлетворённостью чьими-либо действиями, поступками и т.п., порицанием, осуждением” [3, с. 630]. Очевидно также, что объектом оценки выступает всё, что может быть подведено под категорию социально значимого поведения человека, а объектом отношения, вызываемого негативной оценкой, может быть как поступок, так и сам человек (ср.: *осуждать поведение, упрекать*

человека). И если рассматривать неодобрение как вид эмоции, мотивированной отнесением объекта реальной действительности к отрицательному полюсу оценки, а неодобрительную коннотацию как закреплённую за языковой единицей способность быть выразителем этой эмоции, то речевая интенция, отражающая негативно окрашенное эмотивное отношение, может быть интерпретирована как намерение употребляющего данную языковую единицу выразить негативное отношение, наделив его той или иной воздействующей силой.

Отмеченное Т.К. Соловьёвой различие в степени отрицательной оценки, а точнее, в характере и интенсивности проявления эмоций, связанных с выражением оценки, находит отражение в выборе языковых средств, нацеленных на реализацию речевых намерений. Обращение к компонентному составу паремий с неодобрительной коннотацией позволяет в этом убедиться. Из 78 паремиологических единиц 36 имеют в своём составе компоненты с системной негативной оценочной коннотацией: *бесстыжий, напороться, дурной, дурак, дурацкий, худой, рожка, кривая, паршивая, урод, враг, вор, вишвый, шельма, трус, свинство, расхлёбывать и др.* К числу таких компонентов можно отнести номинации, характеризующиеся негативной коннотацией во вторичном значении: *свинья, овца, волк, чёрный, глухо, набраться*. Негативной коннотацией могут характеризоваться и сочетания слов: *разбить лоб, найти грязь* и др. Эмотивная окрашенность компонентов, реализующих значение негативной оценки, различна – от сдержанно неодобрительной до презрительной, грубой. Понятно, что паремии, содержащие компоненты с презрительной коннотацией, будут служить выражению открытого осуждения, порицания, представлять речевые акты конфронтационного характера, а паремии, в состав которых входят компоненты с “пониженным порогом агрессивности”, будут отражать стремление говорящего “сохранять социальное равновесие” в достижении коммуникативных целей (терминология Т.К. Соловьёвой [2, с. 5]). Ср.: – *Видела, как мы церкву уговорили? – Шурыгин улыбался, довольный. – Дурацкое дело не хитрое, – не скрывая злости, сказала продавица. – Почему дурацкое? – Шурыгин перестал улыбаться.* (В. Шукшин. Крепкий мужик); *На детей нынче часто жалуются. А кто? От худого семени не жди доброго племени. Сами итаны-обдергайчики натянут, юбки выше колен, морды крашены, поведение легкое, а ждут, чтоб дети росли серьёзные и послушные. – Не пеняй на зеркало, коли рожка крива.* (В. Тендряков. Апостольская командировка); – *Теперь я вижу, брат Антон, не зря государь голову рубил заволжским старцам. Запугали нашего брата своею праведностью. – Антон рассмеялся: – Да что же это мы: «брат» да «брат»?! Будто латинские монахи... – С кем поведешься, оттого и наберешься, Антоша.* (В. Костылев. Иван Грозный); *После приезда графини прошел слух, будто передала она на восстановление храма большие деньги. <...> – Но речи ни о каких миллионах не было, – вспоминает Нина Юрьевна. Откуда же пошли слухи? Скорее всего, они – проявление той простоты, которая хуже всего. В последнее время у нас стало принято рассчитывать на материальную помощь тех, от кого семь десятилетий отрекались.* (Час пик. 29.10.90).

При отсутствии в тексте паремии, обладающей неодобрительной коннотацией, лексем с системным пейоративным значением мы сталкиваемся с проявлением иного рода механизмов формирования негативных коннотативных значений. В частности, в структуре паремии обнаруживаются такие компоненты, которые приобретают негативную коннотацию непосредственно в контексте, а именно в результате “наведения” негативных оценочных сем, заданных контекстуальным окружением (терминология В.И. Шаховского [4, с.168]): *Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит; На одном месте и камень мхом обрастает; Куда конь с копытом, туда и рак с клешней.*

Более того, можно отметить наличие целого ряда устойчивых схем формирования негативных оценочных смыслов. Воспроизведение данных схем основывается на повторяемости в ряде пословиц стандартных элементов структуры, обуславливающих тождественную интерпретацию смысла (см. о повторении отдельных способов синтаксического конструирования паремий, устойчивости смысловых ассоциаций, характерных для паремиологических единиц с “тиражированными” элементами структуры в

работе Е.И. Селиверстовой [5, с. 135-142]). К числу таких стандартизированных способов выражения негативных оценочных значений относятся:

1) конструкции с “дезидентифицирующим” значением (термин Т.Г. Бочиной [6, с.37]), а именно с отрицанием нормативной таксономии либо позитивной аналогии (X не есть Y). В качестве сопряжённых предикативными отношениями элементов структуры в таких конструкциях могут выступать как субстантивные словоформы, так и инфинитивные: *Курица не птица, баба не человек; Курица не птица, Польша не заграница; Ломать – не строить;*

2) конструкции с отрицательным акциональным значением, такие конструкции представлены двумя разновидностями с различающимися моделями структурной и смысловой организации:

- конструкции с незамещённой позицией субъекта, с обобщенным либо метафорическим представлением субъекта (в качестве субъекта во всех случаях мыслится человек): *Слышал звон, да не знает, где он; В чужом глазу сучок видим, а в своем и бревна не замечаем; Собака на сене лежит, и сама не ест и другим не даёт.* Особенностью смысловой организации таких паремий является пресуппонируемое знание об утвердительных отношениях как удовлетворяющих норму;

- конструкции с объектным детерминантом, выраженным существительным, местоимением, атрибутивно-субстантивным сочетанием и др., именуемым (прямо или косвенно) человека, положительное воздействие на которого или взаимодействие с которым оказывается невозможным: *Дураку закон не писан; С дураком пива не сварить; С ним натошак не сговоришься; Кому бог ума не дал, тому кузнец не прикует; Чёрного кобеля не отмоешь добела; Под лежач камень вода не течёт;*

3) конструкции с корреляцией оценок смежных объектов (каков X, таков Y), негативная ценностная значимость одного из объектов характеристики (его обозначение подаётся всегда в первой части структуры) обуславливает соответствующую ценностную характеристику связанного с ним другого объекта: *Каковы сами, таковы и сани; Каковы дружки, таковы им и тирожки; Какова березка, такова и отростка;*

4) конструкции с отрицательным посессивным значением, формированию негативной коннотации служит выражаемое субстантивным сочетанием с предлогом *без* значение отсутствия неотчуждаемого объекта, наличие этого объекта квалифицируется как соответствующее норме уже в силу его неотчуждаемости: *У семи нянек дитя без глаза* (ср. у В.И. Даля *На тулово без головы шапки не пригонишь*);

Данный список, естественно, не является исчерпывающим и может быть продолжен при обращении к более обширному фактическому материалу, тем не менее даже этот небольшой перечень структурных моделей паремиологических единиц и конституирующих эти модели стандартных компонентов позволяет прийти к выводу, что формированию неодобрительной коннотации пословичных выражений служат не только лексические, но и грамматические средства. При этом необходимо учитывать, что неодобрительное отношение, выражаемое той или иной паремией в речи, вариативно в частных своих проявлениях. Характер коннотации, выражаемой паремиологической единицей, находится в зависимости от конкретных условий употребления данной единицы в речи. При речевой реализации паремия выступает с теми прагматическими обертонами, которые задаются коммуникативными намерениями говорящего.

Перечень нашедших отражение в “Словаре русских пословиц” В.М. Мокиенко интенциональных значений паремий с неодобрительной коннотацией невелик. Данный перечень отражает лишь самые общие мотивы обращения говорящих к такого рода паремиологическим единицам – это выражение негативной оценки, осуждения, порицания, упрёка, досады, пренебрежения, презрения, угрозы, предупреждения, сетования, неуважения, насмешки, озабоченности, недоверия, побуждения. Словарные статьи паремий с неодобрительной коннотацией не всегда содержат информацию о типе речевого акта, который может представлять та или иная паремия при употреблении в речи. В данном

случае, по-видимому, подразумевается, что паремия преимущественно употребляется “в моделирующей функции, которая реализуется прежде всего в речевом акте констатации ... , означающем, что некоторая референтная ситуация подводится под паремический стереотип, фиксирующий ее главную суть” [7, с.18]. Ср.: **В чужом глазу сучок видим, а в своем <и> бревна не замечаем.** Неодобр. Чужие, даже мелкие недостатки, просчеты всегда заметнее, чем свои; другого легче критиковать. Говорится, как правило, с упреком в ответ на сделанные кем-л. замечания; **Кто кашу заварил, тот ее и расхлебывай (тому ее и расхлебывать).** Неодобр. Кто начал какое-л. хлопотное, сложное дело, должен нести ответственность за его неприятные последствия. Используется как побуждение к исправлению ошибок, заглаживанию неприятностей, адресованное инициатору начатого дела, его зачинщику; **Пьяному <и> море по колено.** Неодобр. Пьяному ничто не страшно, все нипочем. Употребляется, когда нетрезвый человек совершает неожиданные поступки, на которые он никогда бы не решился трезвым; **За что боролись, на то <и> напоролись.** Неодобр. Дело обернулось неожиданной, неприятной стороной. Используется, когда, по мнению говорящего, полученный результат, сложившаяся ситуация является следствием предпринятых ранее действий. Часть словарных статей содержит указание только на то, в адрес кого, а также по отношению к кому или к каким действиям могут высказываться паремиологические суждения. В дефинициях интенциональных значений паремий при этом достаточно эпизодично используются термины “характеристика”, “оценка”, свидетельствующие о констативной направленности речевых реализаций паремиологических единиц. Чаще составители словаря ограничиваются лишь описанием ситуаций, в которых может быть употреблена паремия. Ср.: **Не дал бог свинье рогов (рог), а бодуца была бы.** Прост., неодобр. Справедливо, что человек, который мог бы сделать много плохого, лишен этой возможности. Используется как характеристика злого, мстительного, агрессивного и т. п. человека, представляющего опасность для окружающих; **Молодец против (среди, на) овец, <а против молодца <и> сам овца>.** Неодобр. О том, кто в общении со слабыми демонстрирует свою силу, а с сильными становится робким и зависимым; **Простота — хуже воровства.** Неодобр. Говорится о простодушных, доверчивых и чрезмерно наивных людях, которые доставляют неприятности; **Посади свинью за стол — она и ноги на стол.** Неодобр., прост. Используется как выражение негативной оценки неприличного поведения, поступка, невоспитанности кого-л.; **Язык мой — враг мой.** Неодобр. Вовремя не сдержавшись, не подумав, в запале можно наговорить того, о чем позже придется сожалеть. Используют, когда кто-л. (или сам говорящий) слишком разоткровенничался, проговорился, незаслуженно обидел кого-л., наобещал лишнего и т. д.

Таким образом, по данным “Словаря русских пословиц”, паремии с негативной коннотацией могут реализоваться в речи в качестве констативов, связанных с вынесением оценки, экспрессивов, нацеленных на выражение эмотивно окрашенного отношения говорящего к факту или лицу, и регулятивов, отражающих желание говорящего воздействовать на рациональную сферу сознания реципиента в расчёте на соответствующий перлокутивный эффект — коррекцию поведенческих стереотипов. Эти функции, как правило, являются сопряженными, с выдвиганием в качестве доминирующей то одной, то другой функции. Определяющим фактором при этом являются конкретные условия употребления паремий. Ср. речевые реализации пословицы *Молодец среди овец, а против молодца и сам овца*: (1) — *А князь Афанасий Вяземский? — Дурак дураком, а важничает. Молодец среди овец.* (В. Костылев. Иван Грозный); (2) *Здесь — тайга: все одинаковые. Помни это. А то и до воли своей не добежишь — сломишь голову. Знаешь, говорят: молодец против овец, а спросить молодца — сам овца. Найдется и на тебя лихой человек. Обидишь вот так вот — ни за што ни про што, он тебе покажет, где волю искать.* (В. Шукшин. Охота жить); (3) *Вовка наклонился над Греком, пощупал его пульс, приложил руку к сердцу и усмехнулся: — Живой? Понял, что такое апперкот и что такое хук? Привык обижать малышей да девчонок! Молодец на овец, да? А встретишь молодца — так и сам овца?* (Я. Ларри. Записки школьницы). В контексте (1) оценка действий третьего лица сопряжена с

выражением пренебрежения, в контексте (2) – сообщение информации в подчеркнуто “генеритивном” регистре (см. о генеритивном коммуникативном регистре [8, с. 30]), придающем выражаемому предположению аргументирующую силу, связана с предупреждением, урезониванием адресата, в контексте (3) – рогативная функция контаминируется с выражением превосходства над противником и его уничтожением. Анализ данных речевых реализаций является ярким подтверждением того, что поиск формальных критериев дифференциации частных функций паремий с неодобрительной коннотацией может быть осуществлён только с опорой “на узкий контекст ближайшей референции” [9, с. 72], фоновые знания и пресуппозиции, сопровождающие речевой акт.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Словарь русских пословиц: ок. 1000 единиц / В.М. Мокиенко, Ю.А. Ермолаева, А.А. Зайнульдинов и др.; под ред. В.М. Мокиенко. – Москва: Астрель: АСТ, 2007.
- 2 Соловьева, Т. К. Речевая интенция неодобрения в русском языке: Номинативный и коммуникативно-прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Т.К. Соловьёва. – Тверь, 2005.
- 3 Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб: Норинт, 2001.
- 4 Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе русского языка / В.И. Шаховский – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987.
- 5 Селиверстова Е. И. Как “собрать” пословицу: некоторые средства и способы / Е.И. Селиверстова // Грани слова: Сб. науч. ст. к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. – М: ООО “Изд-во” ЭЛПИС”, 2005, С. 135-142.
- 6 Бочина, Т.Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук: 10.02.01 / Т.Г. Бочина. – Казань.
- 7 Аверина, С.Н. Пословично-поговорочные паремии как аргументативные средства языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С.Н. Аверина. – Краснодар, 2005.
- 8 Золотова, Г.А. и др. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова. – Москва: Институт русского языка РАН, 2004.
- 9 Формановская, Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н.И. Формановская. – Москва: Икар, 2007.

Л.В. Паплаўная (Беларусь)

ЛЕКСІЧНАЯ ПАРАДЫГМАТЫКА ПАЭТЫЧНАГА ТЭКСТУ ЯКУБА КОЛАСА

Паэтычная мова, дзякуючы шматлікасі кантэкстуальных сувязей, з’яўляецца арганізаванай мадэллю мовы з характэрнымі для яе сістэмнымі адносінамі. На лексічным узроўні выяўляюцца два тыпы адносін – парадыгматычныя і сінтагматычныя, якія з’яўляюцца ўвогуле ўніверсальнымі для мовы, паколькі рэалізуюцца на ўсіх яе ўзроўнях.

Парадыгматычныя адносіны заключаюцца ў падабенстве слоў па фармальным ці семантычным прыкметах. Асноўныя тыпы парадыгма-тычных адносін – сінамічныя і антанімічныя адносіны.

На аснове семантычнай тоеснасці, падабенства, блізкасці слоў, якія звычайна суадносяцца з адной рэаліяй, з’яваў, паняццем, узнікаюць сінамічныя адносіны.

“Сінонімы – блізказначныя словы, якія абазначаюць адно паняцце, але адрозніваюцца адценнямі значэння або стылістычнай афарбоўкай, спалучальнасцю з іншымі словамі” [2, с.135].

Сінамічныя лексемы надзвычай шырока прадстаўлены ў паэтычных творах Якуба Коласа. Вельмі часта паэт ужывае сінонімы для паказу розных адценняў і ступеняў значэння, абапіраючыся на семантычныя разыходжанні слоў: **Заблішчала, заззяла** на ўсходзе лука – **Бераг неба над краем зямлі** (6, 321) [1]. Параўнаем, напрыклад, лексемы **блішчаць** і **ззяць**. Першая з іх мае значэнне ‘свяціцца або адсвечваць роўным святлом’, другая -- ‘вылучаць ззянне’. І ўсе **смяялісь, рагаталі**, і з таго зайца жартавалі (6, 189). Сінамічны рад складаецца са слоў **смяяцца, рагатаць**, дзе дамінанта смяяцца мае значэнне ‘праяўляць